

ПОЛИТИКА ЗАБОТЫ

Е.Н. Болотникова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Для цитирования: Болотникова Е.Н. Политика заботы // Аспирантский вестник Поволжья. – 2019. – № 3–4. – С. 19–27. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.19-27>

Поступила: 09.04.2019

Одобрена: 15.05.2019

Принята: 10.06.2019

▪ Анализ теоретических концепций М. Хайдеггера, М. Фуко, сюжеты и аргументы С.С. Хоружего, Б. Хюбнера, М. Дина приведены в отношении заботы. Произведён критический разбор феноменов социальной реальности, репрезентирующих заботу в её актуальном состоянии. Рассмотрены цели и принципы национальных проектов, отдельных политических инициатив, культурных практик. Предложен вариант наполнения структуры заботы конкретным содержанием. Речь идёт о заботе, осуществляемой институтами власти в отношении населения. Она инспирирована телосом «процветание, безопасность, здоровье». Она определена попыткой придать своему существованию наиболее прекрасную из возможных форм как модусом подчинения. Такая забота предполагает аскетические практики в отношении частной жизни представителей бюрократии и имеет в качестве этической субстанции образ жизни населения.

▪ **Ключевые слова:** забота; политика; институты власти; население; процветание; безопасность; здоровье; эффективность управления; практики.

CARE POLICY

E.N. Bolotnikova

Samara State Technical University

For citation: Bolotnikova EN. Care policy. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2019;(3-4):19-27. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.19-27>

Received: 09.04.2019

Revised: 15.05.2019

Accepted: 10.06.2019

▪ The care is analyzed through theoretical concepts of M. Heidegger, M. Foucault, plots and arguments of S.S. Horuzhiy, B. Hübner, M. Din. A critical analysis of the phenomena of social reality represents the care in its current state. The goals and principles of national projects, hotel political initiatives, cultural practices are considered. The option of filling the structure of care with specific content is proposed. The article is concerned with the care shown by the state institutions in relation to the population. It is inspired by telos — prosperity, safety, health. It is determined by an attempt to give its existence the most beautiful form possible as a mode of submission. Such care involves ascetic practices regarding the private life of representatives of the bureaucracy and, as an ethical substance, has a way of life of the population.

▪ **Keywords:** care; politics; government institutions; population; prosperity; safety; health; management efficiency; practice.

В одной из своих публичных лекций, отвечая на вопросы аудитории, издатель «Художественного журнала» и куратор В. Мизиано как-то отметил, что чем более простая история берётся в качестве источника для творчества, для размышлений, тем более богатой по смыслам она может оказаться. Такой историей, ставшей точкой отсчёта для настоящих размышлений стала «новость одного дня» — в медиасреде промелькнуло сообщение о готовящемся законопроекте, согласно кото-

рому люди с избыточным весом будут платить больше налогов, чем те, кто придерживается здорового образа жизни. Обоснованием этой идеи служит рассуждение здравого смысла и простой расчёт экономической эффективности: траты государственной медицины на обеспечение здоровья людей с избыточным весом существенно выше, чем траты на тех, кто самостоятельно поддерживает своё здоровье в приемлемом состоянии. В публичном дискурсе упоминаются примеры из практик

поощрения здорового образа жизни частными компаниями и глобальными корпорациями, подробно сообщается о действиях правительств других стран в этом направлении. Логика проста: чем более здоровы индивиды, тем продолжительнее их жизнь и, соответственно, больше их налоговые отчисления, тем меньше ресурсов на ведение полноценной жизни, на сохранение и преумножение доходов потребуется. По крайней мере на первый взгляд в этой идее гармонично, непротиворечиво сочетаются моральный и экономический аспекты жизнедеятельности во имя общего блага, пользы.

Но, как известно, «дьявол кроется в деталях». Можно предположить, что если эта инициатива будет реализована, то потребуются научно обоснованное соотношение роста, веса и пола индивидов, артериального давления и иных показателей здоровья, предстоит разработать системы контроля и мониторинга, будет установлена периодичность измерений и институты сбора этих данных, их стыковки с данными о доходах и соответствующем налогообложении. Отметим, что такая инициатива означает распространение контроля и надзора в область интимного, принадлежащего индивиду тела, затрагивает вопрос об образе жизни, вступает в противоречие с набравшим в последние годы силу и авторитет движением «body positive» — «положительное тело» (социальное движение, общим девизом которого является лозунг «мое тело — мое дело»).

На наш взгляд, это история про то, как решается задача обеспечения пополнения казны, мотивирования населения вести здоровый образ жизни, и при этом сохранения прав и свобод индивидов, составляющих население. Если выразиться более конкретно, то она иллюстрирует формулу заботы с вполне определёнными ответами на вопросы «кто?» и «что?»: актором заботы выступают структуры власти, органы бюрократии (в широком смысле), а предметом выступает состояние населения, его здоровье и перспективы благополучия и процветания как в индивидуальном, так и в общегосударственном плане. «Забота» и «обеспечение» берутся нами в одном синонимичном ряду, что объяснимо не только через энциклопедии, но и укоренено в историческом контексте [10, с. 21–23].

Забота как область интеллектуального дискурса вызывает в последнее время всё больший интерес у исследователей, хотя нельзя утверждать, что понятие «забота» встало в один ряд с классическими философскими категориями и определениями. Эта тонкая грань — ещё не устоявшийся академизм в содержании

и вместе с тем повсеместное употребление понятия — позволяет говорить о заботе как о «способе проживания настоящего», «способе обращения с окружающей нас средой и средами других» [6, с. 63]. Глубокий философский фундамент анализа заботы и введение её в теоретическое измерение заложили в XX веке труды М. Хайдеггера, П. Адо и М. Фуко. Первый в разработке «Бытия и времени» отдаёт должное метафорам и древней легенде, согласно которой забота есть то, что удерживает целостность и целость бытия. Он приходит к определению заботы как «вперёд-себя-уже-бытие-в-(мире) как бытие-при (внутримирно встречном сущем)» [14, с. 222] и отказывается от признания приоритета антропологического принципа в каком-либо виде. Отвергая возможность осмысленного высказывания «забота о себе» [14, с. 223], Хайдеггер указывает тем самым на онтологический регистр бытия заботы. Онтическое же измерение, то есть где существуют ответы на вопросы «кто?» и «что?», заботы не может превалировать над онтологическим.

П. Адо увязывает заботу с философским образом жизни, открывая эту возможность в истории античности. Забота оказывается способом связи индивидуального и универсального, преходящего и вневременного, практического и теоретического, доступного всем, но избираемого далеко не каждым. Она выглядит скорее как цель, как образец, а если и может быть понята как действующая единица социальной реальности, то в отношении совсем небольшого числа индивидов [2].

Забота в форме практик духовного совершенствования и аутотрансформации глубоко и детально разбирается в конце XX — начале XXI века группой российских исследователей под руководством С.С. Хоружего. Опираясь на методологию синергичной антропологии, авторы раскрывают различные аспекты заботы и способы её практикования [15], проводят сравнительный анализ техник заботы о себе в западной и православной традициях [12]. Она оказывается онтологически бесосновной и онтически развёрнутой в догматических текстах восточных мистиков, где исследователи обнаруживают её технически и технологически описанной, аргументируется приоритет энергийного, духовного аспекта заботы в противоположность её рационализируемым формам.

У М. Фуко забота получает не только этическое, антропологическое, но и политическое измерение, поскольку осуществляется не в безвоздушном пространстве идей, структур и систем, не в чистом Dasein или мистических озарениях духовных отцов, а в практи-

ке ежедневных действий индивида и сообществ. Целенаправленно Фуко изучал заботу о себе, однако данный конструкт «себя» вовсе не означает приоритет антропологического принципа и вполне обоснованно может получить более широкое и одновременно точное истолкование. Сам автор задаёт эту возможность, утверждая, что забота о себе, и только она, придаёт существованию индивида этический статус, выводит индивидуальное бытие из режима биологического в собственно человеческое. Будем точны: понятие «человеческое» Фуко старается не использовать в своих работах, обоснованно полагая, что оно слишком общее, размытое, неопределённое по своему содержанию. Но, чтобы увидеть дистанцию между жизнью без заботы и в заботе о себе, думается, можно обратиться к этимологии понятия «жизнь». Как отмечает В.В. Библихин, в греческом языке было два термина, обозначающих «жизнь»: ζωή и βίος. Отсюда рождается жизнь как зоология и жизнь как биография [3, с. 111]. Похоже, что жизнь как биография рождается в заботе и не иначе.

Отметим, что, если этого не сделать, то есть не допустить широкое толкование заботы о себе, мы останемся в пространстве чистой онтологии и будем двигаться в логически замкнутом круге, как это делал А.Ф. Лосев в работе «Самое само» [8], получив за это характеристику «марксистского неоплатоника» [7, с. 659]. Однако это не входит в горизонт настоящих размышлений.

Итак, в социальном пространстве индивид в ответе на вопрос «что такое „себя“?» неизбежно обращается к атрибутам — «себя» как гражданина, «себя» как творца, «себя» как семьянина, «себя» как отца (мать), «себя» как хозяйствующего субъекта и др. Так задаётся возможность понимания заботы о себе, где «себя» берётся в широком значении и получает публичное, политическое измерение. Наиболее общим по объёму понятием в этом отношении, по крайней мере с конца XVIII века, на наш взгляд, может выступать понятие «население». Население, вслед за М. Дином и М. Фуко, мы понимаем не только как совокупность индивидов, проживающих на определённой территории, но как: а) объект особого режима управления «каждым в отдельности и всеми в совокупности» [6, с. 93]; б) реальность *sui generis* (от лат. «своеобразный») с собственными силами и тенденциями [6, с. 254]; в) то, что нашло свой собственный постоянный, внутренний и неотъемлемый предел в средствах, необходимых для поддержания своего существования [6, с. 278–279].

В интересующем нас ракурсе население — это те, кто заботятся о себе, но это также и те, по отношению к кому может осуществляться забота как к некоему общему целому. Население — это своего рода жизнедеятельное целое, наделённое историей и развитием [6, с. 276–277], особая объективная реальность, о которой возможно знание [6, с. 277]; некая динамическая целостность и источник нестабильности и неустойчивости [6, с. 278]; дискретная целостность.

Кто же реализует заботу о населении? У кого в руках исток заботы? В историческом прошлом забота о народе была ожидаемой стратегией действий императора в Древнем Китае, государя у Макиавелли, царя-батюшки в России. В Новейшее время забота уже не о народе, но о населении входит в круг обещаний и обязанностей различных государственных институций, парламента и бюрократического аппарата, функционирующего в обществе. В полном согласии с чинами и званиями, инструкциями и протоколами должен осуществлять заботу о населении в том или ином виде каждый из «государственных мужей». Такую установку ещё Платон зафиксировал в «Алкивиаде I», определяя интенцию движения от правящих к управляемым как заботу [11, с. 134]. А наш современник Дж. Агамбен, исследуя природу власти, отмечает её двойную проекцию: управляющие выступают истоком, началом для тех, кем повелевают, и одновременно осуществляют этот процесс управления: «Идёт ли речь о бытии (существовании), об идее, о знании или о практике, во всех этих случаях начало — это не просто пролог, который может исчезнуть в последующем; наоборот, исток никогда не прекращает начинать, то есть повелевать и управлять тем, что он вызвал к бытию» [1, с. 25–26]. Так, в одном и том же действии происходит обеспечение, забота управляющих о самих себе, чтобы им было чем/кем управлять и об объектах управления. Мы получили ответы на вопросы «кто?» и «что?» заботы в политическом пространстве — её практикуют органы власти по отношению к населению.

Фуко детально прорабатывает структуру заботы индивида о себе и обоснованно указывает, что она осуществляется в сети из четырёх подвижных координат: этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос [13, с. 144–145]. Подвижны они в том смысле, что в каждом конкретном обществе в ту или иную эпоху она наполняется вполне определённым содержанием. Исследователь дал нам детализированное представление о содержании заботы инди-

вида о себе в античную эпоху и предложил возможные варианты наполнения указанных координат в иные времена. Вместе с тем он предостерегал от поверхностного приписывания его гипотез любым актуальным феноменам и практикам социальной жизни.

Если структура заботы, сформулированная Фуко, верна по отношению к индивиду, заботящемуся о себе, то попробуем пристальнее взглянуть в то, чем наполняется эта структура с акторами и объектом, определёнными выше, то есть рассмотрим, как именно реализуется забота в отношении населения современными государственными институциями. Если выразиться точнее, то нам предстоит определить, что выступает в качестве телоса для органов власти, заботящихся о населении, что представляет собой этическая субстанция, то есть что именно подлежит преобразованию благодаря действиям власти, а также какой модус подчинения действует в этом случае и какие аскетические практики и кем практикуются.

Любая государственная программа, федеральный проект, национальная стратегия или конкурс в качестве цели определяют «обеспечение». Например, Государственная программа «Развитие образования на 2013–2020 гг.» нацелена на «обеспечение высокого качества российского образования», Национальный проект «Наука» предполагает «обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные разработки...», Федеральная программа «Развитие физической культуры и спорта» нацелена на «создание условий, обеспечивающих гражданам возможность систематически заниматься физической культурой и спортом...» [17] и др. «Обеспечение» — это термин из ряда синонимов заботы, и в этом смысле любая деятельность власти может быть соотнесена с понятием «забота», а собственно сами действия, включая их обоснование, динамику, отбор и воплощение, осуществляемые в публичном пространстве, определены как политика заботы.

Что в пределе обеспечивает политика заботы? На какие цели ориентирована не конкретная программа, а вся совокупность действий власти? Что в жизнедеятельности населения должно быть обеспечено органами власти? Процветание, безопасность и здоровье — вот ответы, к которым можно свести всё многообразие форм и практик активности государства. Процветание всегда соотносимо с ростом, прогрессом, умножением чего-либо, безопасность выступает условием сохранения наличного состояния и потенциала роста, здоровье трактуется в широком смысле, как индивиду-

альное/национальное, физическое/духовное и т. д. Это краеугольный камень деятельности власти — безопасность, процветание и здоровье, логически формируется из когда-то скромной функции государства как «ночного сторожа», и три его аспекта накрепко связаны между собой. Различные рейтинги качества и уровня жизни, индексы счастья соизмеряют страны по показателям этих трёх областей, отсюда следует, что такими ориентирами воодушевляется политика всех современных государств. Итак, в заботе власти о населении обнаружен телос — процветание, безопасность и здоровье.

Заметим, что в последние десятилетия в деятельности органов власти эти цели поступательно и последовательно вменяются в обязанности самого населения. Логически непротиворечиво допустить, что заботиться об этом должен сам индивид, ведь никто лучше, точнее и полнее его самого это не сделает. Иными словами, индивид должен думать о собственном здоровье, быть начеку в отношении собственной безопасности и прикладывать усилия для достижения процветания. Более того, это не только дело конкретного индивида, но и населения в целом. Аргументами служат многочисленные феномены социальной практики: инструкции о безопасности в публичных местах, учебные атаки и тренировки поведения в экстренных ситуациях, истории успеха и мотивирующие тренинги, собирающие многомиллионную аудиторию, нормативы рабочей одежды и требования к обязательной информации на официальных сайтах образовательных учреждений, беспрепятственное обучение населения профессиональному потреблению всего и вся и т. д.

Так совершается незаметная инверсия: мы голосуем на выборах за ту власть, которая, как мы надеемся, будет о нас заботиться наилучшим образом, будет нас защищать, обеспечивать нам достойные условия жизни, она же, получив властные полномочия и обустроивая эту заботу, в первую очередь инструктирует нас самих о том, как нам позаботиться о себе. Дополнительно заметим, что в состав населения, о котором заботятся власти, входят как индивиды все те, кто эту заботу организует, то есть непосредственно обладающие властными полномочиями.

Дж. Агамбен по-своему отмечает эту инверсию: «Я даже считаю, что можно было бы дать хорошее описание мнимо демократических обществ, в которых мы живём, простой констатацией: в рамках этих обществ онтология повеления заняла место онтологии утверждения, не в ясной форме императива, но в более

коварной форме совета, приглашения, уведомления, которые даются во имя безопасности, так что повинование приказу принимает форму сотрудничества и зачастую — форму повеления самому себе. Я думаю здесь не только о сфере рекламы или предписаний безопасности, которые даются в форме приглашений, но и о сфере технологических диспозитивов. Эти диспозитивы определяются тем фактом, что субъект, их использующий, полагает, будто повелевает ими (и, в действительности, нажимает на клавиши, названные „командами“), но реально он только и делает, что повинуется повелению, вписанному в саму структуру диспозитива. Свободный гражданин демократическо-технологических обществ — это существо, которое непрестанно повинуется, самым жестом, каковым он даёт повеление» [1, с. 50–51].

Что же выступает в качестве этической субстанции? Речь пойдёт о том, что подлежит изменению, трансформации, преобразованию, о том, что же, изменившись, позволит достичь желаемых ориентиров. На наш взгляд, в политике заботы место этической субстанции занимает образ жизни населения. Образ жизни — это совокупность практик, реализуемых в процессе жизнедеятельности индивидов, их порядок и обусловленность, включает как рефлексивные, так и не рефлексивные моменты. В философском словаре в отношении понятия «образ жизни» мы найдём множество близких и семантических связанных с ним понятий: «жизненный мир» (Э. Гуссерль), «габитус» (П. Рикер), «повседневность» (Б. Вальденфельс). Именно он подлежит ограничениям, планированию, контролю, надзору и регламентации.

Традиционные пять функций управления: планирование, организация, мотивация, координация и контроль, — осуществляемые органами власти, направлены на обеспечение такого образа жизни, который позволит сохранить и/или укрепить здоровье и обеспечит безопасность имеющемуся или ожидаемому процветанию населения. Для этого регулируется система социальных связей и мобильность, контролируется уровень и источники доходов населения и проч. Ведь процветание в пределе должно характеризовать жизнедеятельность не отдельного индивида или незначительной группы, но всех граждан, то есть населения государства в целом. Вглядимся в эти функции управления образом жизни пристальнее.

В публичном дискурсе современной власти налицо две тенденции относительно прогнозирования и планирования. Первую можно

определить так: «не будет хуже, чем сейчас, несмотря на внезапно открывающиеся непрогнозируемые ранее обстоятельства», а вторая — «быстрее, выше, сильнее, насколько это возможно в текущем моменте и условиях». Так власти задействуют одновременно негативный и позитивный варианты прогнозирования. Нынешнее состояние, уровень заботы и обеспеченности определяются как крайняя граница, а будущие перспективы получают только положительные коннотации, пусть иногда и едва заметные. В численном измерении это означает, что будет больше ресурсов, меньше преступности и длительнее жизнь.

Организация государственного управления в последнее десятилетие характеризуется двумя трендами: государство оказывает услуги населению, и как можно большая часть из них должна быть оцифрована, переведена в цифровой (цифровой) режим. Первое соотносится с неолибералистской моделью организации общественной жизни и связано с понятием «государство всеобщего благоденствия», второе — следствие бурного роста техники и информационных систем. В общественном сознании перевод государственных услуг в цифровой вид представляется как динамизм, актуальность, новизна и прогресс комфорта и удобства.

Прообразом в этом отношении служат бизнес-корпорации, которые в духе классической экономической теории следуют принципу уменьшения затрат для роста эффективности в конкурентной борьбе за клиента. Поскольку полем деятельности органов власти является всё население, непосредственно борьбы и конкуренции тут не существует, однако понятие «эффективность» выходит на передний план в числе показателей деятельности различных властных структур. И точкой отсчёта здесь выступает деятельность государственных органов власти в ближайшем прошлом (по прежнему регламенту, программе, проекту). Очевидно, что без организации облачных хранилищ, обработки big data («больших данных») обращения к виртуальным технологиям сегодня мало чего можно добиться. Условием оказания услуг и планирования затрат выступает стандартизация и унификация деятельности по их оказанию (Федеральный государственный образовательный стандарт, фонды оценочных средств, профессиональные стандарты и проч.). Важно при этом сохранять принцип добровольности и заявительный характер оказания услуг населению. Налицо парадокс: чем большее количество услуг оказано меньшим количеством сотрудников, за меньшее время, тем более эффективно рабо-

тает власть. Но это означает также, что чем большее количество услуг оказано индивиду, чем большее количество сторон его жизни организовано, подчинено государственному порядку и правилам, тем меньше у него остаётся пространства для свободного обустройства собственного существования. И, следовательно, тем более организован и подчинён власти тот образ жизни, который ведёт индивид.

Мотивация органов власти связана не только с сокращением расходов, но и с исключением ошибок, порождаемых так называемым человеческим фактором. Как бы само собой разумеющимся считается действие идеального математического выверенного цифрового механизма, позволяющего объективировать индивида и его проявления в наглядной, прозрачной и доступной форме. Как верно отмечал ещё Г. Дебор в далёком 1967 году, «всё, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представлении» [5, с. 13] — представление жизни индивида как совокупности фактов.

Мотивация трансформировать образ жизни генетически связана с ростом знания и тем типом связи слов и вещей, что организуют интеллектуальный курс конкретного времени. Это означает, что представление в науке о том, что такое здоровье, как определить процветание и в каких областях необходимо соблюдать безопасность, ложатся в основу объективации содержания этих понятий и реализуются в практике действий органов власти и структур управления. Так возникает ситуация «двойной поддержки»: авторитет науки поддерживает властные решения, а власть поддерживает научные изыскания в нужных ей для обоснования собственных действий направлениях. К примеру, создание технологии редактирования генома CRISPR/Cas ставит вопрос о генетической безопасности, издаются регламенты, государственные структуры подписывают меморандумы, тогда как ещё два или три десятилетия назад такое словосочетание было допустимо в фантастических романах, но не в политическом пространстве.

Координация в деятельности управления населением и тем образом жизни, который оно ведёт, предполагает, что существует некая дискретная целостность, которую необходимо удерживать в определённом состоянии, чье движение следует направлять, ориентировать и чьи «сигнальные огни» видны только управляющему институту. Эта целостность безопасности, процветания и здоровья характеризуется одновременным разделением и взаимопроникновением. Сознательно балансировать между здоровьем и безопасно-

стью когда-то приходилось только отчаянным экспериментаторам-учёным, таким как Пастер, Менделеев, Боткин. В наши дни это не удастся никакому исследователю-одиночке. В случае, когда в поиске процветания может быть поставлен под вопрос весь имеющийся запас распоряжений относительно безопасности и здоровья, процветанием могут пренебречь или, по крайней мере, остановиться на его пороге. Показательная в этом отношении дискуссия между сторонниками и противниками экспериментов со стволовыми клетками (США, 2004 год: акции «Портрет надежды» и «Истории надежды») или одна из последних новостей мира биоэтики: основные разработчики технологии редактирования генома призвали ввести глобальный мораторий на использование генетического редактирования жизнеспособных человеческих эмбрионов для рождения людей [18].

Контроль образа жизни осуществляется властью через те структуры управления, которые Фуко и его последователи отнесли по ведомству биополитики. Среди множества её возможных определений остановимся на таком: «форма политики, ведущаяся в основном с XVIII века и ориентированная на управление условиями жизни населения. Для неё существенно понятие населения как чего-то живущего, состоящего из витальных процессов. Биополитические вмешательства осуществляются в здравоохранение, жилищную сферу, городскую среду, условия работы и образование различных групп населения» [6, с. 533–534]. Рождаемость и смертность, состояние здоровья и гендерная стратификация, отношение к детям, квоты на проведение лечения и государственный контроль стоимости лекарств, поведение в период распространения эпидемий и стихийных бедствий, структурирование опасностей по цветам, поясам и источникам (ещё 10 лет назад высказывание «жёлтый уровень погодной опасности» было бы лишённым всякого смысла набором слов) — все это, как и многое другое, характеризует биополитические инструменты управления поведением других и организует образ жизни.

Отметим вслед за М. Дином, что биополитические инструменты не тождественны меркантилизму, каким-то экономическим механизмам, и также они не синонимичны сугубо политическим практикам, работающим с суверенитетом, автономией, гражданственностью. В осуществлении контролирующих функций органами власти над образом жизни, который ведёт население, важнейшим моментом оказывается объективация всех физических аспектов жизнедеятельности индивидов,

объективация жизни как ζωή (зоология), с тем чтобы в дальнейшем были основания трансформировать её в βίος (биография).

С помощью чего обрабатывается этическая субстанция? В каких условиях это происходит? Что обуславливает необходимость работы над этической субстанцией? Ответы на эти вопросы даст нам модус подчинения. В названных обстоятельствах речь идёт о том, чем руководствуются, чему подчиняются структуры власти, так, а не иначе определяя здоровье, процветание и безопасность населения и того образа жизни, который оно ведёт. Варианты модуса подчинения, схематично упомянутые Фуко: божественный закон, изложенный в тексте, закон Природы или космологический порядок, везде и всюду единый для всех живых существ, рациональное (в смысле кантовское, универсальное) правило или попытка придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм [13, с. 144]. Представляется, что современный уровень развития техники и работы с информацией при сохранении государственных и национальных идентичностей способствует тому в политике заботы органов власти о населении и образе жизни, который оно ведёт, чтобы модусом подчинения выступала попытка придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм.

И хотя мы можем слышать призывы ко всемирной ответственности, экологизации сознания, увлекаться концепциями Н. Фёдорова или восхищаться радикализмом действий «Greenpeace» в попытке установления образа жизни, подчиняющегося космологическому порядку, в практике конкретного существования населения это приобретает совершенно иные формы. Так, после подписания Киотского протокола и выделения квот на загрязнение воздуха отдельным территориям, один из муниципалитетов Чехии продал свою квоту соседнему, в котором было расположено «грязное» производство. Космологический порядок вряд ли поддерживался бы таким способом. Однако, один пример вовсе не обязательно иллюстрирует правило. Обратим внимание на риторичку политических деятелей, напомним про сбывающиеся прогнозы краха мультикультурализма и захлёстывающие друг друга волны феминизма. Принцип универсализации работает всё меньше, а мечты о Всеединстве по-прежнему остаются скорее в текстах, чем находят своё воплощение в действительности социальной жизни миллионов людей.

Придать своему существованию наиболее прекрасную из всех возможных форм означает избрать эстетическое, установить приоритет эстетики и перед политикой, и перед

этикой. Довольно сложно представить, как можно управлять образом жизни населения через приоритет эстетики. Ещё столетие назад это могло быть модусом подчинения для единиц, составляющих «высший свет», разделяющих идеи дендизма, романтизма. Массовая культура XX века радикально изменила эту ситуацию. Зримые образы, созданные Л. Рифеншталь в 30-е годы, и верхние строчки Instagram в наши дни наглядно подтверждают, что власть образа, подчинение доминантам гламура и его следствиям сильны как никогда ранее для значительного числа людей. Более того, в политике эстетизация, избрание наиболее прекрасного накрепко увязывается со здоровьем и требованием социальной состоятельности.

Как пишет Б. Хюбнер, существует два варианта избежать скуки для современника — эстетический и этический выбор. Первый означает наслаждение, его поиск, получение, и новый поиск; второй — служение, безотносительно кому/чему, как долго, до какой степени интенсивности и проч. [16]. Мы понимаем, что прекрасная из всех возможных форм жизни сегодня означает единство этих двух установок: наслаждение и служение ему, этому самому наслаждению, как объективированной форме образа жизни. Безусловно, ещё С. Кьеркегор предупреждал об опасности эстетического приоритета, но взгляд на современные медицинские, градостроительные, коммуникативные практики не оставляет сомнений. Управление образом жизни осуществляется под руководством доминанты гармоничного непротиворечивого максимально полного эстетически воплощаемого наслаждения, а будет ли оно представлено как искусство или как артистизм футбола, принципиального значения не имеет [16, с. 146].

Какие аскетические практики позволят всего этого добиться? В чём и как должны ограничить себя действующие власти с тем, чтобы реализовывать названные функции и достигать озвученных целей? Под аскетическими практиками мы понимаем ограничения, которые актер добровольно накладывает на самого себя. Аскетизм выступает как условие достижения цели. В чём же, в каких феноменах просматривается аскетизм в современной социальной реальности, которую называют обществом гиперпотребления, сверхпотребления, избытка и т. д.? Определённые ориентиры нам даёт критика современного общества «В обществе избытка... единственной стратегией может стать отторжение» [9, с. 69].

Представляется существование двух проекций аскетизма в названном ракурсе. Первая —

ограничения актора, то есть то, в чём себя ограничивают власти, стремясь добиться озвученных целей. Вторая — ограничения, которые власти накладывают на образ жизни населения с тем, чтобы и само население, и тот образ жизни, который оно практикует, изменить, трансформировать, сориентировать на определённым образом понимаемые процветание, безопасность и здоровье. При этом, эти ограничения население должно накладывать как бы само на себя, добровольно.

В отношении органов власти речь может идти об ограничениях, которые характеризуют частную жизнь государственных и муниципальных служащих. Закон и кодексы этики, последовательное ужесточение требований по предоставлению сведений о доходах не только самих служащих, но и членов их семей, публичная декларация собственности и её источников, строго формализованный язык взаимодействия с населением и обязанность быстрой «обратной связи» несмотря на нерабочее время, в выходной день, например. Ограничивают самих себя представители властных структур в момент осуществления профессиональной деятельности, которая находится под тотальным видеонаблюдением. Аскетизм чиновников вознаграждается относительной стабильностью их положения в социальном поле.

Что же касается ограничений, которые население должно как бы само на себя накладывать, как бы свободно избирая, в потреблении чего следует остановиться, ограничиться вместо «потреблять и властвовать», то пример, с которого начинался этот текст, на наш взгляд, наиболее точен. Индивид с избыточным, по представлениям современной медицины, весом может свободно выбирать, платить ли ему больший или меньший налог, а выбрав, действовать соответствующим образом: ограничивая себя в определённом типе питания и поощряя его иные виды. Так, получается, что аскетизм оказывается неизбежной судьбой всякого, кто, казалось бы, может наслаждаться жизнью в обществе потребления.

Итак, можно подвести некоторые итоги. Институты власти в государстве проявляют заботу о населении. Эта забота выступает в наши дни как забота об образе жизни населения в целях укрепления и достижения прогресса в здоровье, безопасности и процветании. Управление образом жизни населения осуществляется через эстетический вариант модуса подчинения. Аскетические практики затрагивают частные аспекты жизни индивидов, составляющих государственный аппарат и бюрократические структуры. Аскетизм как

неизбежность выбора в образе жизни и типах активности оказывается уделом и населения в целом.

Политика заботы непротиворечиво соединяет в себе многочисленные аспекты социальной жизни и организует некое поле единства индивидуальных, экзистенциальных выборов и интересов в целостности с общественной пользой и эффективностью. Забота проблематизируется и практикуется «в бескрайнем поле феноменов, прерывных, рассеянных, уникальных» [4, с. 24]. Понимание действий власти, исходя из определённых координат политики заботы, позволяет формировать осознанное конструктивное отношение и предвидеть дальнейшие перспективы.

Литература

1. Агамбен Дж. Что такое повелевать / Пер. с итал. Б. Скуратова. — М.: Издательство «Грундриссе», 2013. — 72 с. [Agamben Dzh. Chto takoe povelevat'. Transl. from Italian B. Skuratov. Moscow: Izdatel'stvo "Gryundrisse"; 2013. 72 p. (In Russ.)]
2. Адо П. Что такое античная философия? / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. — 320 с. [Ado P. Chto takoe antichnaya filosofiya? Transl. from Fran. V.P. Gaydamak. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury; 1999. 320 p. (In Russ.)]
3. Бибахин В.В. Язык философии. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 416 с. [Bibikhin V.V. Yazyki filosofii. 2nd ed. revised and updated. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2002. 416 p. (In Russ.)]
4. Болотникова Е.Н. Регистры заботы: от повседневности до онтологии // Аспирантский вестник Поволжья. — 2017. — № 3–4. — С. 20–25. [Bolotnikova E.N. The modes of care: from everyday life to ontology. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2017;(3-4):20-25. (In Russ.)]
5. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. — М.: Издательство «Логос», 1999. — 224 с. [Debor G. Obshchestvo spektaklya. Transl. from Fran C. Ofertasa, M. Yakubovich. Moscow: Izdatel'stvo "Logos"; 1999. 224 p. (In Russ.)]
6. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А.А. Писарева; под науч. ред. С.М. Гавриленко. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 592 с. [Din M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh. Transl. from Engl. A.A. Pisarev; ed. by S.M. Gavrilenko. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS; 2016. 592 p. (In Russ.)]
7. Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2016. — 682 с. [Koryakovtsev A, Viskunov S.

- Marksizm i polifoniya razumov: Drama filosofskikh idey v 18 glavakh s epilogom. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy; 2016. 682 p. (In Russ.)]
8. Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. – М.: Мысль, 1994. – 920 с. [Losev A.F. Mif, chislo, sushchnost'. Moscow: Mysl'; 1994. 920 p. (In Russ.)]
 9. Орлов М.О. Коллапс Западной цивилизации в экспертных суждениях Жана Бодрийара: историко-философский анализ // Аспирантский вестник Поволжья. – 2017. – № 3–4. – С. 65–70. [Orlov M.O. Collapse of the Western civilization in the expert judgments of Jean Bodrillard: historico-philosophical analysis. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2017;(3-4):65-70. (In Russ.)]
 10. Пичугина В.К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике / Под науч. ред. Г.Б. Корнетова. – М.: АСОУ; Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2014. – 180 с. [Pichugina V.K. Antropologicheskii diskurs “zaboty o sebe” v antichnoy pedagogike: monografiya. Ed. by G.B. Kornetov. Moscow: ASOU; Kaluga: Vash Dom; 2014. 180 p. (In Russ.)]
 11. Платон Алкивиад I. Платон Диалоги / Пер. С.Я. Шейнмана-Топштейна. – М.: Мысль, 1986. – 607 с. Серия «Философское наследие». Т. 98. [Platon Alkiviad I. Platon Dialogi. Ed. by S.Ya. Shejman-Topshtejn. Moscow: Mysl', 1986. 607 p. Seriya “Filosofskoe nasledie”. T. 98. (In Russ.)]
 12. Соловьёв А.Е. Бытийная трансформация в «практиках себя» и христианском подвижничестве // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / Под ред. С.С. Хоружего. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 316–333. [Solov'ev A.E. Bytijnaja transformacija v “praktikah sebja” i hristianskom podvzhnichestve. In: Fonar' Diogena. Proekt sinergijnoj antropologii v sovremennom gumanitarnom kontekste. Ed. by S.S. Horuzhij. Moscow: Progress-Tradicija; 2010. P. 316-333. (In Russ.)]
 13. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Философско-литературный журнал «Логос». – 2008. – № 2. – С. 135–158. [Foucault M. On the genealogy of ethics: an overview of work in progress. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal “Logos”*. 2008;(2):135-158. (In Russ.)]
 14. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с. [Haydegger M. Bytie i vremya. Transl. from Germ V.V. Bibikhin. Khar'kov: Folio; 2003. 503 p. (In Russ.)]
 15. Хоружий С.С. Практики себя и духовные практики: две парадигмы неклассической антропологии // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / Под ред. С.С. Хоружего. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 74–240. [Horuzhij S.S. Praktiki sebja i duhovnye praktiki: dve paradigmy neklassicheskoy antropologii. In: Fonar' Diogena. Proekt sinergijnoj antropologii v sovremennom gumanitarnom kontekste. Ed. by S.S. Horuzhij. Moscow: Progress-Tradicija; 2010. P. 74-240. (In Russ.)]
 16. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Пер. с нем. – Минск: Пропилеи, 2000. – 152 с. [Khyubner B. Proizvol'nyy etos i prinuditel'nost' estetiki. Transl. from Germ. Minsk: Propilei; 2000. 152 p. (In Russ.)]
 17. Портал правительства России. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.). – М., 2018. [Portal pravitel'stva Rossii. Passport of the national project “Education” (utv. po itogam zasedaniya prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nyim proektam, date 2018 December 24)]. Moscow; 2018. Доступ по: <http://government.ru/info/35566/>. Ссылка активна на 08.04.2019.
 18. Lander E, Baylis F, Zhang F, et al. Adopt a moratorium on heritable genome editing. *Nature*. 2019;567(7747):165-168. <https://doi.org/10.1038/d41586-019-00726-5>.

▪ Информация об авторе

Елена Николаевна Болотникова — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет».
E-mail: vlad_lena@mail.ru.

▪ Information about the author

Elena N. Bolotnikova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: vlad_lena@mail.ru.